

ПОСЛЕДНИЙ

АРОН
РОДОВИЧ

АЛЕКСЕЙ
ЕДИСЕЕВ

18+

Арон Родович

ГОЛОД ІV

«Автор»

2026

Родович А.

ГОЛОД IV / А. Родович — «Автор», 2026

Я уже и не знаю, а хорошо, что я вернулся обратно. Может просто надо было сдохнуть тогда и не возвращаться?

© Родович А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

ГОЛОД IV

Глава

Название: Голод IV

Автор(-ы): Арон Родович, Алексей Елисеев

Глава 1

Он не слышал. Или слышал и не мог остановиться. Бежал, хлюпая, скользя, и каждый шлепок шлёпанца по грязи был как удар по нервам, потому что шум, потому что каждый звук в этом мире — звонок смерти.

Я побежал за ним.

Дождь бил в лицо, лужа хлюпала под ботинками, впереди маячила спина Вани — камуфляжная куртка, мокрая, потемневшая от воды, и шлёпанцы, которые мелькали, как два нелепых ярких пятна на сером полотне.

Дождь шёл косой, сбоку, и заливал глаза. Я моргал, и каждое моргание стирало картинку передо мной на долю секунды, и за эту долю секунды Ваня успевал отдалиться ещё на шаг. Ботинки уходили в мокрую глину под травой по щиколотку, выходили из неё с чавканьем, и каждый шаг был тяжелее предыдущего. Мои подошвы скользили по жёлтой воде, тащили за собой комья грязи, я бежал и не находил твёрдой опоры — её здесь просто не было, под травой шёл размокший слой, под ним ещё один, и ниже земля не успевала держать.

Он бежал быстро. Паника разогнала его лучше любого тренера, и несмотря на шлёпанцы, несмотря на больную ногу, несмотря на лужи — он бежал, и расстояние между нами росло. Десять метров. Пятнадцать. Я бежал медленнее, потому что смотрел не только вперёд, но и по сторонам.

Голова поворачивалась автоматически. Влево — куст, забор, угол склада. Вправо — пустое поле, мокрая трава по колено. Назад — здание, угол, плац, откуда мы только что вышли. Влево, вправо, назад, вперёд. Я делал это на каждом четвёртом шаге, не задумываясь, как делают это люди, которые ходят по улицам в районах, где можно получить по голове. Только в этом мире район был везде.

— Ваня! — снова прошипел я ему в спину. — Тише! Не беги! Стой!

Он не остановился. Не замедлился. Бежал, и я видел, как его тело двигается на одном топливе — на страхе, чистом, неразбавленном, который залил мозг и выключил всё остальное.

Я знал это состояние. Когда страх проходит первый порог, мозг отключается. Можно кричать «стой» — он не услышит. Можно бежать рядом и держать за руку — он вырвется. Тело идёт само, и единственный способ его остановить — догнать, повалить и держать, пока паника не выдохнется. Догнать у меня не получалось.

Забор. Профлист в десяти метрах перед ним, серый, мокрый. Где-то там — щель, отогнутый лист, через который можно пролезть. Ваня бежал к забору, я бежал за ним, дождь лил, и это было нашим спасением. Он маскировал звук шагов, заглушал шлёпки, размывал силуэты. Без дождя нас бы уже догнали. С дождём — у нас был шанс, маленький, мокрый, мелькающий между капель. Я держался за этот шанс, как за рукоятку ножа, и бежал.

Ваня повернул голову. На бегу, через плечо, назад, посмотрел на здание, на угол, за которым плац и журуны. Проверял, не идут ли. И в этот момент, когда голова была повернута, а ноги бежали вперёд, правый шлёпанец зацепился за что-то, и нога подвернулась.

Та самая нога. Левая. Ушибленная, с синяком от колена до икры, которая «уже нормально, вроде нормально». Нога, которая держалась, пока он шёл. Которая терпела, пока он бежал по ровному. Которая сдалась, когда ступня скользнула по мокрому, и вес тела пошёл не туда.

Ваня вскрикнул. Коротко, сквозь зубы. Колено подогнулось, тело качнулось вперёд, руки выбросились, пытаюсь поймать равновесие, и не поймали. Он упал. Сначала на колени, потом на бок, потом лицом в землю. Шлёпанец слетел с ноги и остался в траве, синий на жёлтом. Ножи выпали из-за пояса и откатились.

Звук падения я узнал. Тот же глухой удар тела о мокрое, который я слышал утром, на проспекте, когда первый жрун догнал парня. Тогда он шёл через стекло УАЗа, приглушённый. Сейчас — без стекла, в полтора раза ближе. Тяжёлый шлепок плоти по земле.

Он лежал в грязи и пытался встать. Я бежал к нему. Пятнадцать метров между нами, я сокращал их как мог.

Движение. Справа. У забора, у самого профлиста, там, где тень и мокрый металл. Фигура начала движение. Вдоль забора, медленно шла, покачиваясь, и вышла из-за угла так тихо, что я не увидел её раньше, потому что дождь сливал все вокруг.

Я понял, что облажался, в одну секунду. Я смотрел вперёд, по сторонам, назад — но не туда. Не на самый забор. Считал, что забор — это спасение, и не считал, что у спасения не может стоять то, от чего мы бежим. Слепое пятно. Я его сделал сам.

Жрун. Обошел здание с другой стороны. Или был здесь всё это время, у забора, за дождём, невидимый.

Он услышал падение. Тело о землю, стон, хлопанье. Звуки, которые дождь заглушал для моих ушей, но не для его — мёртвые уши ловили другие частоты, или мёртвый мозг обрабатывал звук иначе, без фильтров, без отвлечения. Падение живого тела на мокрую землю и вскрик — сигнал, яркий, однозначный.

Жрун повернулся к Ване. И быстро пошёл к нему. Он был голодным.

Четыре метра. Три. Два.

Я бежал, и каждый шаг по жидкой грязи был тише, чем хотелось. Я хотел перепрыгнуть это пространство, проскочить, оказаться рядом — но земля не пускала, и расстояние сокращалось не моими ногами, а ногами жруна, который шёл к Ване по той же грязи, и его шаги ложились без скольжения, как будто он не чувствовал её.

Жрун наклонился. Руки легли Ване на плечи, тяжёлые, мокрые. Ваня дёрнулся и увидел — прямо над собой, в тридцати сантиметрах — лицо. Серое, мокрое, с жёлтыми глазами, с открытой пастью, из которой текла дождевая вода пополам со слюной. Лицо мёртвого человека, который наклонился к нему, как наклоняются к ребёнку, чтобы поднять.

Только поднимать он не собирался.

Жрун упал на Ваню сверху. Коленями на спину, весом на тело. Ваня вжался в землю, грудь в грязь, лицо вбок. Ваня попытался перевернуться и оказался на спине, лицом вверх, в дождь, жрун теперь сидел на нём, коленями на груди, и наклонялся, пасть приближалась к лицу.

Ваня упёрся руками в грудь жруна. Оттолкнул. Жрун качнулся назад, на сантиметр, на два, и качнулся обратно, руки Вани скользнули по мокрой куртке, и жрун наклонился ещё ближе. Хрип шёл из его пасти, зубы были в двадцати сантиметрах от лица Вани, дождь лил на них обоих, и капли стекали с подбородка жруна Ване на щёки.

Ваня закричал, вышел звук, высокий, рваный, который вырвался из горла помимо воли, как вырывается пар из чайника, когда давление превышает предел. Крик тонул в дожде, рассеивался, уходил в серое небо и растворялся.

Я был в пятнадцати метрах.

Видел всё. Ваню на спине, в грязи, мокрого. Жруна на нём, тяжёлого, с наклонённой головой. Пасть, которая опускалась к лицу. Руки Вани, которые упирались в чужую грудь и скользили. Шлёпанец в траве. Ножи рядом, один совсем близко, деревянная ручка, до которой Ваня не мог дотянуться, потому что руки были заняты — держали жруна, не давали пасти опуститься ниже.

Нож был в моей руке. Мокрый, с чёрным на лезвии. Пятнадцать метров. Добежать, ударить, стащить жруна. Несколько секунд.

Я не двигался.

Тело стояло. Ноги остановились на месте, вросшие в мокрую землю, как столбы. Руки — вдоль тела, правая с ножом, опущенная. Глаза — открытые, видящие, фиксирующие каждую деталь. Мозг — понимающий, что нужно бежать, что человек умирает в пятнадцати метрах.

Но ноги не шли. Руки не поднимались. Тело отказало, как отказывает мотор, в который залили не то топливо, — всё на месте, всё подключено, но не работает.

Я смотрел на свою правую руку с ножом и не понимал, почему она не поднимается. Видел кулак, костяшки, белые от напряжения. Чувствовал, что мышцы плеча напряжены — тянут, но не вверх. Тянут в землю. Как будто в руке висел не нож, а двадцать килограммов, и поднять их можно было, но не сразу, не сейчас. Я приказывал себе двинуться, но ничего не менялось.

Потому что я видел не Ваню.

Я видел двор. Руль под пальцами, обтянутый кожей, тёплый от ладоней. Мила на заднем сиденьи. И парень, которого я бежал спасти, но не успел.

Я помнил всё. Каждую секунду, каждый кадр. Как парень кричал — высоко, тонко, как кричат, когда рвут живую плоть. Как жруны наклонились к нему, и их руки вошли в его тело, и достали то, что было внутри, и ели, а он ещё кричал, и дёргался, его руки били по асфальту, ноги скребли, а потом перестали.

Картинка стояла перед глазами поверх настоящего. Я видел Ваню в грязи под дождём, и поверх Вани — парня на тротуаре. Видел жруна, который наклонялся, и поверх него — ту голову, которая поднялась тогда на проспекте, с розовым между зубами. Видел крик Вани — и поверх него крик того, который оборвался мокрым булем. Картинки накладывались точно, как два слайда в одной рамке, и я не мог их разделить.

Сейчас — то же самое. Парень на земле, жрун сверху. Пасть у лица, руки, которые скользят. Крик. Тот же кадр, тот же ракурс, та же бесполезность. Только сейчас нет толпы жрунов. Сейчас — дождь, нож в руке, и несколько метров, которые нужно пробежать. Секунды, которые нужно потратить.

Секунды, которых у меня не было, потому что ноги не двигались.

А вдруг снова не спасу?

Тело уже один раз бежало туда же, к парню на земле, и не успело. Ноги стояли. Мозг кричал, тело молчало. Как во сне, когда бежишь и не двигаешься, когда ноги месят воздух и не находят землю.

Дождь лил. По лицу, по рукам, по ножу, который я держал и которым не мог воспользоваться, потому что для этого нужно было сделать несколько шагов, а я не мог сделать один.

Один шаг. Я смотрел на свою левую ногу и видел её на земле, в грязи, с вматым в траву носком ботинка. Один шаг — это перенести вес на правую, освободить левую, поднять её на пять сантиметров и поставить вперёд. Я знал эту последовательность. Делал её миллион раз. Сейчас она распадалась на отдельные операции, которые не складывались в одно движение.

Ваня лежал в грязи. Жрун сидел на нём. Пасть опускалась. Зубы — жёлтые, мокрые, с бурым между ними — были в десяти сантиметрах от Ваниного лица. Его руки тряслись от напряжения, он удерживал жруна, но силы кончались, и каждую секунду пасть опускалась ещё на сантиметр.

Ваня повернул голову. В грязи, под дождём, из-под жруна, который сидел на нём. Повернул и посмотрел на меня — стоящего, с ножом, неподвижного. Стоящего и смотрящего, как он умирает.

В его глазах я увидел непонимание. Почему ты стоишь. Почему не бежишь. Почему не помогаешь. Я тут, я живой, я кричу, а ты стоишь.

Этот взгляд я буду помнить дольше всех других взглядов в своей жизни. Дольше, чем взгляд Даши, когда она сказала «высади меня». Дольше, чем взгляд Леры, когда она уехала. Дольше, чем взгляд мамы, когда она уходила в горы. Этот взгляд — взгляд человека, который не понимает, почему другой человек, в пятнадцати метрах, с ножом, не делает того, что делают

люди, когда видят, как умирает другой. Взгляд из той точки, в которой ты впервые понимаешь, что мир не работает по тем правилам, по которым тебя ему учили.

— Артём! — закричал Ваня.

Голос — сдавленный, хриплый, из-под тяжести чужого тела. Но ясный, чёткий, как колокол. Моё имя, которое он узнал двадцать минут назад. Моё имя, единственное слово, которое имело значение, потому что оно значило — помоги, спаси, сделай что-нибудь, я не хочу умирать, мне семнадцать, у меня мама на почте и брат в армии, и я не хочу умирать в грязи под дождем, не сейчас.

Я стоял. Ноги в земле, руки вдоль тела. Дождь по лицу. Парень передо мной, кровь на асфальте, Мила в машине. Снова, тот момент. Тот парень. Та смерть.

Жрун наклонился ниже. Пять сантиметров до лица. Ванины руки дрожали, локти подгибались. Ещё секунда, может две.

— АРТЁМ!!!

Крик. Всё, что осталось у семнадцатилетнего парня, лежащего в грязи с мёртвым человеком на груди. Всё, что он мог — кричать имя человека, который стоял рядом и не двигался.

Дождь лил. Жрун наклонялся. Ваня кричал.

Я стоял. Я не мог. Я еще не пережил ту смерть.

Я не принял её для себя. Я еще там, стою во дворе и пытаюсь протянуть руку.

Прости меня, Ваня.

Мне нужно спасти вначале того парня. Он зовет меня. Он еще живой.

Глава 2

Я стоял.

Дождь лил по лицу, по рукам, по ногу. Ваня кричал. Жрун наклонялся. Несколько метров между мной и парнем, который умирал. Расстояние не стало ближе, ни на сантиметр.

Парень на асфальте, который увидел меня и кричал «Помогите!» Он тянул ко мне руки, бежал в моем направлении, верил мне. А я его предал. Я не успел. Я убил человека. Я — убийца.

Ваня кричал моё имя. Кричал из грязи, из-под мёртвого тела, с зубами в сантиметрах от лица. Голос его был тонким, ломким, семнадцатилетним, и в нём было всё — страх, боль, злость, мольба, он звучал как голос, который я уже слышал. В другом месте, в другое время.

Мила. Мила, которая стояла в дверях и говорила «ты вернёшься?» и я сказал «да». Мила, которая считала гречинки и называла кошку картошкой с ушами. Мила, которая верила, что взрослые приходят, когда зовёшь.

Ваня звал. Как Мила позвала бы. Как позвал бы любой ребёнок, любой человек, у которого не осталось ничего, кроме чужого имени.

Чт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.